

И.Н. ДОМНИНА

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений
и регионального развития ФГБУН Институт экономики РАН

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

В статье представлен анализ нового этапа стратегического планирования и управления экономическим пространством в контексте Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Показано, что трансформация пространственной модели экономики затрагивает и так называемые геостратегические территории, заметно меняя их количественный состав и качественное наполнение. Особое внимание уделено концептуальным вопросам их формирования и управления. Определены основные тренды эволюции места и роли этих территорий в стратегических планах развития экономического пространства Российской Федерации. Обоснованы направления повышения эффективности политики управления геостратегическими территориями с учетом новых вызовов и возможностей экономического пространства в реализации национальных целей развития страны.

Ключевые слова: *геостратегические территории, макротерритории, пространственное развитие, стратегическое планирование, экономическое пространство.*

УДК: 332.142

EDN: CHIARA

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_65_80

Введение

В конце 2024 г. на смену Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. пришла новая стратегия, нацеленная на поиск ответов на актуальные вызовы пространственного развития страны, реализацию целевых показателей экономического пространства в предстоящие годы и на перспективу. Она вносит заметные изменения в организацию экономического пространства,

¹ Статья выполнена в рамках государственного задания ФГБУН Институт экономики РАН «Социально-экономическое пространство России: особенности развития и проблемы управления».

касающиеся концептуальных подходов к оценке роли экономического пространства как такового и к построению пространственного каркаса экономики.

Нельзя не отметить, что трансформация пространственной модели российской экономики, отраженная в появлении нового нормативного документа Правительства РФ, нацелена на задачу вовлечения пространства в достижение национальных целей развития². В качестве главной новации выступает создание сети опорных населенных пунктов по всей территории страны³, что свидетельствует о смещении приоритетов государственной политики в сторону регионального и муниципального уровней государственного управления. Кроме того, значимым трендом пространственной трансформации экономики становится рост геостратегического значения регионов как реакция на новые вызовы и риски. В современных условиях особую нагрузку берут на себя геостратегические территории, играющие важную роль в обеспечении интересов национальной безопасности и требующие специальных подходов к управлению.

Выбор акцентных объектов экономического пространства и точек приложения государственного регулирования в рамках модели пространственного развития России до 2030–2036 гг. актуализирует *новые аспекты изучения геостратегических территорий*. Направления их развития вместе с развитием федеральных округов Российской Федерации, Арктической зоны и новых субъектов Российской Федерации определены в Стратегии 2030 в качестве пространственных приоритетов страны наряду с задачей формирования системы опорных пунктов⁴.

Анализ нормативной базы и научных публикаций по вопросам присутствия геостратегических территорий в системе регулирования экономического пространства показывает, что *до настоящего времени многие теоретические вопросы и практические аспекты остаются дискуссионными*. Достаточно традиционно геостратегические территории рассматриваются в свете особой их уязвимости перед различными экономическими вызовами, в том числе перед угрозами для научно-

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-п. <http://government.ru/docs/all/157308>

³ Утвержден перечень опорных населенных пунктов, в который вошли агломерации, административные центры, малые города и поселения (всего 2160). https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyu_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-п. <http://government.ru/docs/all/157308>

технологического развития [8]. Специалисты консолидируются во мнении о том, что преобладают формальные признаки их формирования, что приводит к слишком большому числу этих территорий [6]. Отмечается высокий уровень межтерриториальной неоднородности геостратегических субъектов Российской Федерации и, как следствие, дифференциация адаптационных возможностей геостратегических территорий в зависимости от их локализации [11]. Трудно не согласиться с утверждением, что в силу периферийного географического расположения большинства геостратегических территорий и их удаленности от крупных экономических центров многие ограничения приобретают особую остроту для их социально-экономического развития, в том числе в демографической сфере [9], требуя от федерального центра больших усилий и специальных решений для обеспечения единства экономического пространства.

Нечеткость критериев выделения геостратегических территорий в документах пространственного стратегирования приводит к тому, что, с одной стороны, в их число включены только приграничные регионы, с другой стороны, не все регионы, имеющие приграничное положение, отнесены к категории геостратегических [10]. Многими экспертами и исследователями отмечается узость и необоснованность целевых показателей развития регионов, имеющих геостратегическое значение [7]. В предшествующих работах автора было показано, что географическая близость, особенность условий социально-экономического развития и производственная специализация субъектов Российской Федерации, имеющих соседское расположение, не являются достаточным основанием для обеспечения связанности их экономик как отдельно оформленной части экономического пространства [3]. *Главной же проблемой геостратегических территорий остается отсутствие реального экономического содержания*, на что указывают Е. Бухвальд и О. Иванов [4]. Солидаризируясь с этой точкой зрения, ранее нами было сформулировано предложение по наполнению категории «геостратегической территории» экономическим императивом [2].

В рамках запланированной пространственной модернизации российской экономики представляется важным обосновать место геостратегических территорий в обеспечении устойчивости социально-экономического пространства на фоне происходящих изменений параметров его взаимодействия с внешним окружением. Смена географии международных связей страны и формирование новых транспортных коридоров на российской территории выдвигает в число приоритетных задачу формирования нового экономического пространства в границах геостратегических территорий как «территории экономического проникновения» и «коридора развития» для входящих в его состав субъектов Российской Федерации.

Для повышения эффективности управления геостратегическими территориями следует обратить внимание на их конфигурацию в новой модели пространственного развития, отказавшейся от деления этих территорий на приграничные и приоритетные. В настоящее время сетка геостратегических регионов выстроена следующим образом: геостратегические территории в границах нескольких субъектов Российской Федерации; геостратегические территории в границах отдельных субъектов Российской Федерации; и, наконец, муниципальные образования, получившие статус геостратегических⁵. Разношерстный характер субъектов федерации, включенных в перечень геостратегических, затрудняет выработку единой государственной региональной политики.

Особое внимание следует уделить первой группе территорий (геостратегические территории в границах нескольких субъектов Российской Федерации), занимающей большую часть геостратегического экономического пространства, и тем сложностям, которые связаны с правовыми и институциональными основами мезоуровня стратегического планирования [1]. Геостратегические образования в границах федеральных округов, в отличие от субфедеральных и муниципальных геостратегических образований, нуждаются в формировании специального вектора управления, обеспечивающего экономическую связанность регионов-участников. Этим целям могло бы послужить наделение федеральных округов полномочиями участников стратегического планирования, какими они в соответствии с ФЗ № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» в настоящее время не наделены.

Концептуального решения требует ситуация, при которой геостратегические субъекты Российской Федерации, полностью покрывающие территорию Дальневосточного федерального округа, Северо-Кавказского федерального округа, а также Арктическую зону, представляют собой не целостный объект пространственного стратегирования или устойчивое межрегиональное объединение, а лишь совокупность регионов, функционально объединенных своим географическим положением, специфическими условиями хозяйствования и задачами обеспечения национальной безопасности страны.

Можно констатировать, что появившийся новый контекст в отношении геостратегических территорий, в Стратегии 2030 делает особо актуальной оценку их места и вклада в реализацию стратегических планов пространственного развития. С этой целью потребуется уточнение концептуальных вопросов присутствия геостратегических тер-

⁵ Перечень геостратегических территорий представлен в Приложение № 2 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. <http://government.ru/docs/all/157308>

риторий в системе стратегирования и определение их перспектив в новой конфигурации экономического пространства, а также инструментальных вопросов управления ими. Сравнительный анализ Стратегии пространственного развития на период до 2025 г. и новой пространственной Стратегии 2030 позволяет выявить общие проблемы геостратегических территорий, которые остаются «законсервированными», рассмотреть их эволюцию в стратегических планах пространственного развития, уточнить функциональные возможности и определить движущие силы развития в рамках намеченной трансформации пространственной структуры российской экономики.

Геостратегические территории в стратегических планах развития экономического пространства России до 2030 г.

Для повышения эффективности вовлечения российского экономического пространства в достижение национальных целей в новой Стратегии 2030 запланирована заметная трансформация геостратегических территорий, что свидетельствует о смене трендов пространственного развития. Для оценки динамики происходящих изменений содержательного и субъектного наполнения геостратегических территорий целесообразно определить ту совокупность проблем, которая накопилась ко времени появления Стратегии 2030.

1) В ходе реализации Стратегии 2025 г. более 54% от общего количества субъектов РФ были отнесены к категории геостратегических⁶, то есть рассматривались как особая часть экономического пространства, нуждающаяся в специальных методах и подходах к пространственному регулированию. Однако предложенная в ней типизация геостратегических территорий, основанная на оценке угроз целостности страны, не была дополнена экономической моделью управления этими территориями, из-за чего возникали проблемы с ее работоспособностью.

2) На выбор приоритетов развития геостратегических территорий накладывали отпечаток два обстоятельства: во-первых, многие субъекты федеральной экономики, отнесенные к разряду геостратегических, заметно отставали от среднероссийских показателей, а, во-вторых, в составе геостратегических оказались регионы, принципиально различающиеся между собой по уровню социально-экономического развития, что делало затруднительным квалификацию соответствующей части пространства в качестве целостного объекта региональной поли-

⁶ Перечень геостратегических территорий. Приложение 4 к Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п. <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>

тики с едиными задачами [3]. Так, если в целом по стране межрегиональная дифференциация по валовому региональному продукту на душу населения за период с 2017–2022 гг. выросла с 3,7 раза до 4,2 раза⁷, то разрыв по этому показателю между субъектами РФ Дальневосточного федерального округа, входящими в соответствующую геостратегическую территорию, по данным за 2023 г., был существенно больше среднероссийского и составлял более 7,5 раз, с наибольшим значением в Чукотском автономном округе (3895,053 тыс. руб.) и наименьшим в республике Бурятия (517,756 тыс. руб.)⁸. Что касается уже нового целевого сценария пространственного развития к 2030 г., то значения этого показателя в субъектах РФ Дальневосточного ФО в сравнении со средним его значением по всем субъектам Российской Федерации должно составлять 112,2%, что выглядит весьма оптимистично⁹.

3) В части определения роли и места геостратегических территорий в организации экономического пространства можно констатировать, что целеполагание геостратегических образований, связывалось, прежде всего, с опережающим социально-экономическим развитием регионов, расположенных на этих территориях, что отвечает интересам национальной безопасности страны. Однако императив «национальной безопасности» сам по себе не создает достаточных оснований, цементирующих связь субфедеральных экономик в рамках геостратегической территории как отдельной части экономического пространства. Поэтому в Стратегии 2025 г. геостратегическая территория выглядела как некая «рамочная» категория, фокусирующая на себе угрозы в сфере национальной безопасности страны, но не наделенная конкретными конструкциями для их снижения [2].

Очевидно, что принцип приоритетности в отношении субъектов Российской Федерации с различным уровнем экономического развития, оказавшихся благодаря приграничному или эксклавному экономико-географическому положению в соответствующей геостратегической территории, требует различных механизмов реализации. Проблема экономической спецификации геостратегической территории как отдельного контура пространственной организации остается открытой.

⁷ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

⁸ <https://statbase.ru/data/rus-gross-domestic-product-by-region-per-capita-national-stat/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

В целом Стратегия 2025 не позволяла идентифицировать *геостратегические территории* в качестве полноценного объекта пространственного стратегирования, не наделяла эти территории признаками, создающими основу для объединения экономик, входящих в их состав субъектов Российской Федерации. Цели и их место в развитии экономического пространства носили описательный характер.

В связи с этим представляется важным проследить, в какой степени происходящая трансформация архитектуры экономического пространства, призванная смягчить новые угрозы и ограничения для социально-экономического развития, затрагивает геостратегические территориальные образования. Отметим, что само понятие «геостратегических территорий» в модели пространственного развития 2030 г. сохраняется, но происходят принципиальные изменения в отношении их числа и территориальных контуров (см. табл.). Если на предыдущем отрезке времени к числу геостратегических территорий относилось более половины субъектов РФ (47), то обновленный список стал короче и выглядит следующим образом:

- Калининградская область, Республика Крым и г. Севастополь, которые ранее обозначались как субъекты Российской Федерации, характеризующиеся эксклавным положением, т. е. как приоритетные геостратегические территории;
- все субъекты Российской Федерации Дальневосточного и Северо-Кавказского федерального округов (соответственно 11 и 7);
- входящие в Арктическую зону территории Мурманской области, Ненецкого, Чукотского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также муниципальные образования, расположенные на территории тех субъектов РФ, которые частично входят в состав арктических регионов. К числу последних относятся муниципальные образования на территории республики Карелия (6), республики Коми (4), республики Саха (Якутия) (13), Красноярского края (13), Архангельской области (9), Ханты-Мансийского автономного округа (2);
- муниципальные образования Республики Карелия и Ленинградской, Псковской, Брянской, Курской, Белгородской областей, расположенные вдоль государственной границы с недружественными странами;
- Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области.

На основе проведенного анализа обозначим следующие принципиальные изменения, касающиеся места геостратегических территорий в Стратегии 2030.

Во-первых, сформирован новый перечень субъектов РФ, отнесенных к разряду геостратегических территорий, который заметно сократился. При этом на муниципальном уровне число образований, полу-

Геостратегические территории в стратегических планах пространственного развития Российской Федерации

Стратегия 2025	Стратегия 2030
Приложение № 4 (всего 47 субъектов федерации)^{а)} I. Приоритетные геостратегические территории РФ (всего 22 субъекта Российской Федерации) • Республика Крым; • город федерального значения Севастополь; Калининградская область; • субъекты РФ, расположенные на Северном Кавказе (7); • субъекты РФ, расположенные на Дальнем Востоке (11); • субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую зону РФ (4 субъекта РФ и 16 муниципальных образований на территориях еще 4-х субъектов РФ)^{б)}	Приложение № 2 (всего 29 субъектов Российской Федерации)^{в)} • Донецкая и Луганская Народные Республики, Запорожская и Херсонская области; • Республика Крым; • г. Севастополь; • Калининградская область; • субъекты РФ, входящие в состав Дальневосточного ФО (11); • субъекты РФ, входящие в состав Северо-Кавказского ФО (7); • субъекты и части субъектов РФ, входящие в Арктическую зону РФ (4 субъекта РФ и 47 муниципальных образований на территории еще 6-ти субъектов РФ)^{г)}; • муниципальные образования Республики Карелия и Ленинградской, Псковской, Брянской, Курской, Белгородской областей, примыкающие к государственной границе с недружественными странами
II. Приграничные геостратегические территории РФ (всего 22) • субъект РФ, граничащий со странами, входящими в Европейский союз, – Ленинградская область; • субъекты РФ, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз (12); • субъекты РФ, граничащие с другими странами (7); • субъекты РФ, граничащие со странами, входящими в Евразийский экономический союз, а также с другими странами или странами, входящими в Европейский союз (2)	

^{а)} Без учета тех субъектов РФ, территория которых частично попадает в Арктическую зону, и муниципальных образований;

^{б)} Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»;

^{в)} Без учета тех субъектов РФ, территория которых частично попадает в Арктическую зону, и муниципальных образований на их территории;

^{г)} Федеральный закон от 13.07.2020 №193-ФЗ (ред. от 21.04.2025) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации».

Источник: составлено автором.

чивших статус геостратегических, в составе субъектов РФ Арктической зоны выросло, расширив ее географию¹⁰. Во-вторых, геостратегические территории, формирующие контур национальной безопасности и взаимовыгодного сотрудничества с соседними государствами, теперь не дифференцируются и представлены лишь одной группой без деления на «приграничные» и «приоритетные» территории, как это было в предыдущей Стратегии 2025. В-третьих, появляется группа геостратегических территорий, расположенных в новых регионах России¹¹, перед которыми стоят задачи интеграции в общероссийское социально-экономическое пространство и формирование макротерритории Приазовья к 2028 г. В-четвертых, делается акцент на привлечении дополнительных ресурсов для развития геостратегических территорий, в отношении которых происходят количественные и качественные изменения из-за смены состава стратегически важных стран – партнеров России. Геополитические риски актуализируют поддержку субъектов РФ, граничащих с недружественными странами, прежде всего с целью обеспечения достойного уровня жизни и сохранения проживающего здесь населения¹².

В-пятых, в рамках новых направлений международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего с Индией, Турцией, ОАЭ, Ираном¹³, на геостратегических территориях формируется новое экономическое пространство, расширяющее внутренний рынок и точки приложения капитала для отечественных производителей. Речь идет в том числе о новых формах хозяйствования, пилотных проектах, выборе отраслевых моделей, специальных режимах ведения хозяйственной деятельности. Особо следует отметить новые возможности, которые появляются у приграничных субъектов РФ в связи с ростом товарооборота с КНР, который с 2019–2024 гг. увеличился в 2,2 раза¹⁴. Возникают новые возможности для формирования экономического пространства международного и межрегио-

¹⁰ Перечень таких муниципальных образований увеличился практически втрое – с 16 до 47, а в число территорий, на которых они расположены, помимо Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края и Архангельской области, теперь вошли еще и Республика Карелия и Ханты-Мансийский автономный округ.

¹¹ Вновь присоединенные территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

¹² Из 16 государств, имеющих общую сухопутную границу с Россией, семь отнесены к группе недружественных.

¹³ Товарооборот с этими четырьмя государствами за 2019–2024 гг. вырос с 41 млрд долл. до 136,5 млрд долл., то есть в 3,3 раза, особенно с Индией и ОАЭ // Кузнецов А.В. «Новое «открытие» Россией Юго-Западной и Южной Азии». Юбилейная научная конференция «Трансформация российской экономики в новых условиях», 23-25 июня 2025 г. Институт экономики РАН.

¹⁴ Там же.

нального сотрудничества на территории Приморского, Хабаровского, Забайкальского краев, Амурской и Еврейской автономной областей, входящих в состав геостратегических территорий.

В-шестых, вызовы пространственного развития одновременно создают объективную основу для расширения задач и повышения значимости геостратегических территорий в достижении национальных приоритетов, в том числе в установлении технологического суверенитета. Так, например, проектные решения, принятые в процессе выстраивания стратегического партнерства России с передовыми в технологическом отношении дружественными странами, в первую очередь с Китаем, включая развитие взаимосвязанной логистической системы, совершенствование пропускной инфраструктуры, расширение производственной кооперации¹⁵, являются достаточным основанием для оформления приграничной территории как отдельного объекта государственной региональной политики со своими специфическими задачами.

Учитывая повышение роли и места геостратегических территорий в модели пространственного развития российской экономики, особо значимым становится вопрос эффективного управления ими. Именно в современных условиях, на наш взгляд, возникают основания для перехода на проектный принцип управления макротерриториями, который позволяет выделять части экономического пространства, объединенные некой единой функцией, сформировав территориальное образование для ее реализации. В этом случае субъекты РФ, расположенные на геостратегических территориях, получают общую экономическую задачу, по крайней мере во временных рамках реализации проекта, имея ввиду достижение национальных приоритетов развития. В качестве примера можно рассматривать планы развития инфраструктуры трансграничных перевозок в субъектах РФ, имеющих геостратегическое значение, в том числе таких транспортных коридоров, как «Север – Юг», «Восточное направление», «Азово-Черноморское направление»; реализацию совместных инвестиционных проектов российских приграничных регионов с КНР¹⁶, Индией, Монголией и другими странами Азии,

¹⁵ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. 21 марта 2023 года. <http://www.kremlin.ru/supplement/5919>

¹⁶ На территории 28 субъектов Российской Федерации реализуются 50 совместных российско-китайских региональных инвестиционных проектов в 18 различных отраслях экономики, с заявленным объемом инвестиций более 3,8 млрд долл. США // Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

Африки и Ближнего Востока; развитие межгосударственного взаимодействия, производственной кооперации и туристического обмена с дружественными странами.

Проектно-программные принципы предполагают синхронизацию в пределах федеральных округов и макрозон приоритетов пространственного, территориального и отраслевого развития на геостратегических территориях как отдельной части экономического пространства. Однако в Стратегии 2030 основные направления пространственного развития представлены раздельно в отраслевом и региональном разрезах¹⁷, и какая-либо общая платформа, объединяющая субъекты РФ геостратегической территории для достижения конкретного приоритета, не фиксируется. На примере Дальневосточного ФО отметим, что развитие транспортной инфраструктуры, в том числе Байкало-Амурской и Транссибирской магистралей, Северного морского пути, представлено отдельно в региональном разделе в качестве основного пространственного приоритета и в отраслевом разделе в качестве приоритета развития в сфере транспорта и, безусловно, нуждается в согласовании.

Представляется, что доведение приоритета пространственного стратегирования до дробления его по конкретным задачам и регионам-исполнителям в рамках геостратегической территории позволяет сформировать ее общий контур не как закреплённой единицы пространства с раз и навсегда фиксированными границами, что влекло бы за собой обязательное наделение соответствующими управленческими структурами и бюджетными ресурсами. *Речь идет о подвижном территориальном образовании, в смысле площади и состава регионов, участвующем в реализации национальных целей, имеющем общие функциональные задачи и наделенном специальными механизмами их реализации.*

Мобильность проектного управления позволяет выстраивать схемы управления геостратегическими макротерриториями под конкретные задачи и, в частности, состоит в том, что может осуществляться проектным офисом, не требуя формирования специальных органов, встроенных в вертикаль власти. Примером является создание такого офиса по управлению инфраструктурными и логистическими проектами на геостратегических территориях Арктики под управлением ВЭБ¹⁸.

¹⁷ См. Раздел VIII «Приоритеты пространственного развития Российской Федерации» и раздел IX «Приоритетные направления развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав федеральных округов Российской Федерации и Арктической зоны Российской Федерации, и новых субъектов Российской Федерации» // Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411143583>

¹⁸ ВЭБ.РФ укрепляет позиции Арктики в глобальной логистике // ВЭБ.РФ. 20.06.2025. <https://veb.ru/press-tsentr/61543/>

Заключение

Основываясь на анализе стратегических планов развития экономического пространства до 2036 г., можно заключить, что *происходящая трансформация пространственной политики в отношении геостратегических территорий характеризуется следующими моментами:*

- в новой модели развития экономического пространства главными методологическими проблемами в отношении геостратегических территорий, требующими своего решения, остаются: уточнение критериев их формирования, а также закрепление для геостратегических макротерриторий общего «экономического императива» как связующей основы для интеграции входящих в их состав субъектов РФ и муниципальных образований;
- в правовом поле сохраняется ограниченность статуса геостратегических территорий как отдельной структурной единицы экономического пространства, что находит подтверждение в действующих стратегиях социально-экономического развития федеральных округов, в границах которых они расположены. Стратегии не позволяют идентифицировать геостратегическую территорию как целостный *объект региональной политики*, поскольку лишены контента, интегрирующего задачи и показатели развития входящих в нее субъектов РФ в одно целое. Несмотря на то что проблема усиления связанности экономического пространства геостратегических территорий широко обсуждалась еще в 2020–2025 гг. в процессе принятия предыдущей Стратегии пространственного развития страны и стратегий социально-экономического развития Сибири, Дальнего Востока и Арктики [5], интеграционного характера стратегических инициатив в границах крупных территорий добиться не удалось. Включение в эти стратегии разделов, касающихся международного и межрегионального сотрудничества регионов – участников геостратегической территории, выглядит формальным и автоматически задачу не решает;
- по-прежнему нельзя утверждать, что в стратегических планах пространственного развития на 2030–2036 гг. геостратегическая территория как устойчивое пространственное образование становится полноценным *субъектом стратегического планирования*, поскольку реализация национальных проектов и государственных программ имеет привязку к соответствующим органам государственной власти на уровне федеральных округов и субъектов РФ. Такая субъектность появляется только тогда, когда геостратегическая территория укладывается в границы соответствующего административно-территориального образования.

Совершенствование политики пространственного стратегирования и регулирования в отношении геостратегических территорий предлагается осуществлять в следующих направлениях:

- уточнить критерии отнесения территорий к разряду геостратегических, для чего дополнить целевые установки обеспечения «территориальной целостности» и «национальной безопасности» экономическим содержанием, имея ввиду экономическую «связанность» субъектов Российской Федерации в границах макротерритории и нацеленность на достижение национальных приоритетов как необходимый основополагающий принцип ее формирования.
- проработать концептуальные основы формирования геостратегических территорий на основе проектно-программного подхода, позволяющего перейти к «подвижной» сетке крупных форм пространственной организации, выстроенной под задачи достижения конкретных национальных целей развития. С этой целью наделить геостратегические макротерритории «якорным» приоритетом, для достижения которого они становятся единым полем реализации проектных решений для всех регионов-участников через организацию межрегионального сотрудничества и взаимодействия;
- акцентировать внимание на необходимости наполнения категории «геостратегических территорий» новым экономическим содержанием, имея ввиду формирование пространства для развития локальных производств, обеспечение их связанности по цепочке создания добавленной стоимости, рост привлекательности сбыта продукции на внутреннем рынке, создание «экономики предложения» и гарантий устойчивого развития;
- обосновать расширение задач и повышение значимости геостратегических территорий в достижении национальных целей развития путем превращения этой части экономического пространства в трансграничный коридор сотрудничества с целью повышения отдачи от региональной и международной кооперации и освоения новых форм хозяйствования;
- в новой конфигурации экономического пространства важно не просто обозначить роль геостратегических регионов как пространства для реализации трансграничного и межрегиональных взаимодействия – такое понимание уже нашло формальное отражение в Стратегии 2025 г., а обратить внимание на отсутствие методической базы для оценки эффективности таких проектов. В связи с этим предлагается в перечень нормативно закреплённых показателей контроля за деятельностью руководителей региональных администраций ввести критерии, под-

талкивающие их к участию в реализации совместных проектов с соседями¹⁹.

Дальнейшим практическим шагом в этом направлении могло бы стать введение рейтингования самих макротерриторий (например, федеральных округов) на основе динамики реализации межрегионального инвестиционного сотрудничества. Задача особенно актуальна с учетом низкой интегрированности экономик субъектов Российской Федерации, расположенных на геостратегических территориях, например на Дальнем Востоке.

В целом можно констатировать, что геостратегические территории, претерпевшие в новой модели пространственного развития количественные и качественные изменения, получили основу для повышения потенциала их использования в реализации национальных целей развития. В качестве новации следует рассматривать, по сути, предлагаемый, но формально не заявленный проектный подход управления ими как объектами пространственного стратегирования. С учетом геополитической трансформации, барьеров развития и открывающихся возможностей роль геостратегических территорий в реализации потенциала экономического пространства предопределена на длительную перспективу. И решение обозначенных выше проблем позволит продвинуться в направлении совершенствования организации управляющей системы экономического пространства.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бухвальд Е.М. Стратегическое пространственное планирование: макрорегионы и субъекты Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 31–44. [Buchwald E. M. Strategic spatial planning: macro-regions and subjects of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2020. No. 3. Pp. 31–44. (In Russ.).] EDN: ODHCE. DOI: 10.12737/jrl.2020.028.
2. Домнина И.Н. «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 126–141. [Domnina I.N. «Geostrategic territory» as a form of spatial regulation of the economy // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 6. Pp. 126–141. (In Russ.).] EDN: VELKJM. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10074.
3. Домнина И.Н. Макрорегиональное регулирование экономического пространства: функциональные задачи и проблемы реализации // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 3 (68). С. 91–97. [Domnina I.N. Macro-regional regulation of the economic

¹⁹ См. Указ Президента Российской Федерации от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46402>

- space: functional tasks and problems of implementation // Business. Education. Right. 2024. No. 3 (68). Pp. 91–97. (In Russ.)] DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1065.
4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. «Геостратегические территории» и «точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 4. С. 7–23. [Ivanov O.B., Buchwald E.M. "Geostrategic territories" and "growth points" in strategizing the spatial development of the Russian Federation // STAGE: economic theory, analysis, practice. 2019. No. 4. Pp. 7–23. (In Russ.)] EDN: MVVQYQ. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-10098.
 5. Крюков А.В., Селиверстов В.Е. Стратегическое планирование пространственного развития России и ее макрорегионов: в плену старых иллюзий // Российский экономический журнал. 2022. № 5. С. 22–40. [Kryukov A.V., Seliverstov V.E. Strategic planning of spatial development of Russia and its macroregions: in captivity of old illusions // Russian Economic Journal. 2022. No. 5. Pp. 22–40. (In Russ.)] EDN: STMBMA. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-22-40.
 6. Кувалин Д.Б. Выбор приоритетов пространственного развития и геостратегические регионы России. Москва: Институт народнохозяйственного прогнозирования. 18.06.2024. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/04/priority-prostranstvennogo-razvitiya-i-geostrategicheskie-regiony-rossii.pdf> (дата обращения: 31.07.2025). [Kivalin D.B. Selection of priorities of spatial development and geostrategic regions of Russia. Moscow: Institute of Economic Forecasting. 18.06.2024. <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2025/04/priority-prostranstvennogo-razvitiya-i-geostrategicheskie-regiony-rossii.pdf> (accessed: 31.07.2025).]
 7. Михеева Н.Н. Приоритетные геостратегические регионы Стратегии пространственного развития России // ECO. 2025. Т. 55. № 3. С. 40–55. [Mikheeva N.N. Priority geostrategic regions of Russia's spatial development strategy // ECO. 2025. Vol. 55. No. 3. Pp. 40–55. (In Russ.)] DOI: 10.29003/m252.sp_ief_ras2018/32-52.
 8. Сенин А.В. Геостратегические территории Дальнего Востока: новый теоретический подход как ответ на «большие вызовы» для общества, государства и науки // Региональная экономика. Юг России. Т. 12. № 4. С. 47–57. [Senin A.V. Geostrategic Territories of the Far East: a new theoretical approach as a response to "big challenges" for society, Government and science // Regional economy. The South of Russia. Vol. 12. No. 4. Pp. 47–57. (In Russ.)] EDN: PJGVLO. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.4.5.
 9. Орлов С.Л. Современные проблемы социально-экономического развития приоритетных геостратегических территорий России // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 1. С. 28–34. [Orlov S.L. Modern problems of socio-economic development of priority geostrategic territories of Russia // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. No. 1. Pp. 28–34. (In Russ.)] EDN TCQPCM.
 10. Россия 2035: пространство развития: Научный доклад / А.А. Широ́в, Б.Н. Порфи́рьев, А.В. Петри́ков [и др.]. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2025. [Russia 2035: space of development: Scientific report / A.A. Shirov, B. N. Porfirev, A. V. Petrikov [et al.]. M.: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, 2025. (In Russ.)] EDN DKVIKY. DOI: 10.47711/sr1-2025.
 11. Хмелева Г.А., Костромин К.О., Скреблов Н.И. Современное состояние и риски развития приграничных геостратегических территорий // Вестник Евразийской

науки. 2023. Т. 15. № 1. [Khmeleva G.A., Kostromin K.O., Skrebllov N.I. Current state and risks of development of border geostrategic territories // Bulletin of Eurasian Science. 2023. Vol. 15. No. 1. (In Russ.)] DOI: 10.15862/64ECVN123.

Дата поступления рукописи: 15.07.2025 г.

Дата принятия к публикации: 13.10.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Домнина Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального развития ФГБУН Института экономики РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6377-2265

indfin.61@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Domnina – Cand. Sci (Econ), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Federal Relations and Regional Development, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6377-2265

indfin.61@mail.ru

GEOSTRATEGIC TERRITORIES IN STRATEGIC PLANS FOR SPATIAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

The article examines a new stage of strategic planning and management of economic space, presented by the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036. It is shown that the transformation of the spatial model of the economy affects, among other things, the so-called geostrategic territories, significantly changing their quantitative composition and qualitative content. Particular attention is paid to geostrategic territories, including conceptual issues of their formation and management. The main trends in the evolution of the place of these territories in strategic plans for the development of economic space are determined. The directions for increasing the effectiveness of the policy for managing geostrategic territories are substantiated, taking into account the new opportunities of the economic space in implementing national development goals.

Keywords: *geostrategic territories, macroterritories, spatial development, strategic planning, economic space.*

JEL: R1, R50.